

К ВОПРОСУ О ЛОКАЛЬНЫХ ИСТОРИЯХ

*Производство матерей в Советской России:
учебники по уходу за детьми эпохи индустриализации*

Черняева Наталья

«Материнство – не упоминаемое в историях захвата и крепостничества, войн и соглашений, эксплуатации и империализма – имеет свою историю, свою идеологию...»

Адриенна Рич

Из всех типов отношений, исследуемых социальными науками, отношения матери и ребенка воспринимаются порой как наиболее естественно-натуральные, максимально удаленные от политических и экономических процессов. Зачатие, беременность, роды, уход за младенцем образуют, казалось бы, сугубо приватную, неподконтрольную и непроницаемую зону, которая слабее всего поддается государственному регулированию. Однако исследования ряда историков и культурологов, прежде всего феминистского направления доказали очень большую степень воздействия политической власти на сексуальную жизнь, женскую репродуктивную сферу, а также на практики материнства в большинстве индустриальных стран во всем мире. Одним из механизмов государственного воздействия (или «государственного института материнства», по выражению Рич¹⁾) явилась появившаяся в начале 19 века почти во всех западных странах популярная литература по уходу за ребенком. Как показали исследования, работы этого жанра никогда не сводились к простой совокупности сведений и наставлений в части кормления малыша, гигиены, режима дня, приучения к

горшку, т.е. к передаче медицинских и гигиенических представлений своего времени. Они всегда были (и являются) проводниками определенной идеологии материнства, сформировавшейся на данный момент в обществе, компендиумом рецептов и предписаний, организующих не столько жизнь ребенка, сколько поведение его матери. По меткому высказыванию американской исследовательницы Нэнси Вэйс, автора работ о бестселлере жанра, книгах Доктора Спока, «в каком-то смысле книги по воспитанию малышей можно переименовать в книги по воспитанию матерей. За каждым правилом, относящимся к желаемому поведению ребенка, можно углядеть послание матерям – советы, как правильно себя вести и рекомендации в отношении достойного и морально безупречного образа жизни» (*здесь и далее перевод с английского мой – Н.Ч.*)².

Настоящая работа – это попытка рассмотреть политики и идеологии материнства в Советской России на основе анализа популярной литературы по уходу за ребенком, изданной в СССР с 1917 по 1941 годы. Выбор периода обусловлен тем, что именно в это время Советское общество осуществляло гигантский эксперимент в сфере отношений между полами, в конфигурации и иерархии мужского и женского гендера. В 1920-е годы большевистские лидеры провозглашают «отмирание семьи» как буржуазного института, освобождение женщины от отупляющего круга бесконечных обязанностей по дому («домашнего рабства», по выражению Александры Коллонтай), а также равноправие партнеров в сексуальных отношениях. Декретом 1918 года женщинам был гарантирован аборт по требованию (впервые среди индустриально развитых стран во всем мире). Семейный кодекс 1918 года упростил процедуру развода (разрешил развод по требованию одного из партнеров), отменил различие между законнорожденными и незаконнорожденными детьми. Роль женщины в обществе артикулируется в это время как, в первую очередь – работницы, наемной труженицы вне дома и лишь затем, во вторую очередь – как матери и хозяйки семейного очага. Государство обещает облегчить женщинам «трудное бремя материнства», перенеся часть забот по вскармливанию и воспитанию детей с плеч матерей на плечи государства через сеть детских учреждений – яслей, детских садов, детских площадок, которые бы принимали малышей практически с рождения (Коллонтай, «Семья и коммунистическое государство»³).

Начиная с середины 1930-х годов общество, напротив, делает ставку на институт семьи, ужесточает законодательство о браке и разводе, запрещает аборт (1936 г). Вся мощь идеологической машины направляется на придание священного статуса как семейным узам, так и их смысловому центру – образу матери. В 1937 году в Советском государстве вводится титул «матери-героини» для женщины, которая родила и воспитала более 7 детей. Согласно вновь принятому закону 1935 года, родители несут юридическую ответственность за правонарушения своих детей младше 14 лет.

У западных историков советского общества этот поворот на сто восемьдесят градусов в семейной политике и гендерной идеологии получил название «великий откат» (*the Great Retreat*). Среди причин, лежавших в его основе, разные исследователи называют внутренний консерватизм и патриархальные взгляды лидеров большевистской верхушки, которые наконец-то восторжествовали в 1930-е годы (Ричард Стайтс⁴); непредсказуемые социальные последствия, такие как, например, многомиллионная армия беспризорников, к которой привела ранняя большевистская идеология женской эмансипации (Венди Голдман⁵). Дэвид Хоффман рассматривает радикальный переворот в политике семьи, произошедший в СССР, как часть общеевропейского сдвига в сторону усиления государственного контроля за воспроизводством и рождаемостью⁶.

Ни в коей мере не отвергая вышеизложенные версии, я попытаюсь добавить к ним еще одну, связанную трансформацией официальной идеологии материнства, происходившей в России с 1917 по конец 1930-х годов, отчетливо видимую с «близкой дистанции» книг по уходу за ребенком, выходивших в это время. Я попытаюсь доказать, что идеология и политика женской эмансипации потерпела наиболее серьезное поражение именно в той ее части, которая касалась материнства и материнских обязанностей. Выдвинутое в ранний период существования советского государства обещание освободить женщину от части груза по воспитанию детей оказалось наиболее неприемлемым для строя в условиях его активной индустриализации и модернизации – обстоятельство, отчетливо прослеживаемое при взгляде на популярную литературу по уходу за ребенком.

Книги и брошюры, посвященные уходу за детьми, начали активно издаваться в России с середины 19 века, но, как отмечают исследователи, их читательницами были исключительно городские женщины среднего и выше статуса и достатка⁷. Переворот в издательской политике совершается вскоре после революции 1917 года, когда большевистское государство начинает массовую кампанию по прививанию основ медицинских знаний массам женского населения, особенно стремясь охватить тех, кто живет на селе. В 1918 году при Комиссариате Здравоохранения организуется отделение Охраны Материнства и Младенчества, которое и координирует просветительскую работу государства в области акушерства и педиатрии. В начале 1920-х годов ОММ (тогдашним руководителем организации является Вера Лебедева) создает собственное издательство, которое выпускает книги и брошюры, без преувеличения, миллионными тиражами. С 1926 по 1927 годы общий тираж изданий по уходу за маленькими детьми составляет 1,5 миллиона экземпляров⁸. Учитывая тот факт, что почти половина женского населения неграмотна, печатная пропаганда подкрепляется массовым изданием плакатов, публичными выступлениями врачей-педиатров, созданием «уголков здоровья» в клубах и избах-читальнях.

Забота большевистского государства была понятна: Россия в то время занимала первое место в Европе по показателям детской и младенческой смертности. По разным оценкам, смертность детей до года составляла от 237 до 300 смертей на 1000 рождений. По данным, которые приводит историк Борис Миронов, в России в начале 20 века только 57% детей доживали до возраста 5 лет⁹. Многие исследователи нравов и быта российской деревни – медики, этнографы, литераторы с возмущением писали о «варварских», как им казалось, практиках по уходу за новорожденными, принятыми среди деревенских женщин. К числу наиболее губительных относилось раннее введение прикорма твердой пищей, чаще всего жеваным хлебом в ущерб грудному вскармливанию – знаменитая «жвачка» (нажеванный и завернутый в тряпочку хлеб или каша, толкаемый в рот новорожденному иногда на другой день после рождения), приводившая в ужас каждое новое поколение врачей. Многие из тех, кто изучал практики материнства в русской деревне, отмечали, как им казалось, фаталистически-равнодушное в целом отношение деревенских женщин к судьбе новорожденного. «Если ребенку суждено выжить – он выживет, если суждено умереть – он умрет», – часто говорили русские крестьянки. Среди деревенских женщин бытовало множество «примет», по которым они пытались определить, кто из детей – «не жилец» на этом свете и, следовательно, не стоит особых вложений сил и времени матери.

В выпущенных в 20-е годы книгах по уходу за детьми смерть выступает в роли постулируемой самоочевидности, такого привычного фона, стартовой точки для разговора о правилах ухода за ребенком. «Почему болеют и умирают маленькие дети, и как защитить их от болезни и смерти» (автор – известный Ленинградский педиатр Николай Альтгаузен) было вполне типичным названием книги по уходу за детьми 1920-х годов. Брошюра Харьковского педиатра Григория Гецова «О чем говорил ветер» (1923) начинается с лирической зарисовки – размышления автора, сидящего вблизи сельского кладбища и глядящего на кресты на детских могилах:

«Сухое жаркое лето, плохой урожай, а тут еще чего-то хворают дети. С каждым днем все больше и больше становится детских могилок на кладбище, все реже и реже доносится из хат крик и плач грудных детей. Отчего это за лето вымерло больше половины всех грудных детей?»¹⁰.

Автор брошюры уверен: гибель детей происходит из-за полного отсутствия у матерей в деревне необходимых знаний по уходу за новорожденными, а также по причине следования абсолютно губительным практикам раннего прикорма, тугого пеленания и грязного, негигиеничного содержания маленьких детей. В своем стремлении переломить привычно-покорное отношение к смерти младенцев, он задействует законы жанра, наиболее понятного матерям – жанра плача. «Свежий ветерок» – герой медицинско-художественного повествования

доктора Гецова, сперва пытавшийся помочь содержащимся в душных избах младенцам, но не сумевший проникнуть внутрь сквозь плотно запертые окна, вынужден впоследствии оплакивать малюток:

«Я не мог добраться до этих детей – их держат в комнатах с плотно закрытыми окнами, к ним нет доступа свежего воздуха. «Как бы не простудился!» – говорят и шамкают эти нелепые старухи [бабки, присматривающие за детьми – Н.Ч.]. Я не мог даже сказать детям несколько слов утешения, хотя я упорно стучался к ним в окна. Я видел их. Они лежат, туго спеленатые свивальником, не дающим им вовсе размять их члены; они тепло укрыты, хотя и без того в комнате жарко; их окружает еще большая клеенка, на манер согревающего компресса, а во рту торчит глупая соска-пустышка ... Чуть ребенок закричит – его сейчас к груди, потому что бабушка решает, «что дитя кушать просит». ... Бедные детки! Их содержат грязно, их коверкают в угоду всякой соседке; их сажают, хотя их тело и спинка еще не окрепли и гнутся, как тонкий стебель от ветра, их «учат» ходить, и их славные ножки быстро становятся кривыми. ... Много детей слабеет и умирает от такого ухода, и только мертвыми они попадают на свежий чистый воздух, и только в гробике я мог целовать их нежные волосики и ласкать их бледные лица, не выдавшие солнца и воздуха»¹¹.

Одно из наиболее значительных изданий 1920-х годов – это «Книга матери (Как вырастить здорового и крепкого ребенка и сохранить свое здоровье)», отразившая результаты передвижной выставки, организованной ОММ в 1925 году в Москве. Большая по формату, обильно проиллюстрированная, книга была выпущена тиражом 20000 экземпляров, с тем, чтобы стать «школой матерей для тысяч и тысяч женщин», чтобы «каждой мало-мальски грамотной, даже неграмотной работнице дать правильные понятия жизни своего тела; о правильном уходе за собой и ребенком»¹². Как и более ранние издания, книга открывается главой «Детская смертность», которая пытается сломать привычно-фаталистическое отношение матерей к младенческой смертности силой научного знания. Вполне в духе мировоззрения социального детерминизма, свойственного эпохе, авторы книги объясняют младенческую смертность совокупностью социальных и экономических причин, в числе которых достаток в семье, качество жилья, условия работы матерей до родов, уровень образованности матери, ее национальная и культурная принадлежность. Красочные диаграммы и схемы, демонстрирующие распределение смертности по временам года (пик смертей приходился, как известно, на летние месяцы), по дням первого года жизни, а также в зависимости от разнообразных социальных факторов были призваны донести даже до неграмотной крестьянки центральную идею издания – младенческая смертность не есть неизбежность, она вполне

преодолима за счет введения несложных правил ухода за детьми. Свод правил, включавших непременно кормление грудью до года, соблюдение чистоты тела и всех предметов, окружающих ребенка, свободное пеленание, доступ свежего воздуха и т.п., легко перелаялся на язык плаката. Такого, например, как плакат художника Комарова, изображавший младенца в открытом плавании по бурному морю, окруженном, как препятствиями, вредными, губительными привычками, такими, как «тугое пеленание», «жеванная соска», «кормление коровьим молоком», «ранний прикорм» и т.д.

Относительная простота тех советов, которые давали матерям авторы «Книги матери» была обусловлена еще и тем, что официальная медицина того времени трактует беременность и материнство как производительную деятельность, существующую наряду с другими работами в жизни женщины. Беременность и роды объясняются как «усиленная работа» всех органов матери, на которую уходит множество сил и энергии женщины, отсюда и требование – освобождать беременную женщину от тяжелых работ по дому и на производстве. Книга полна иллюстрациями, которые дают представление о тех занятиях, которых беременная женщина должна стараться избегать – это и ношение тяжестей, и шитье на ножной швейной машинке, и стирка, и работа на поле.

Как всякая производительная деятельность, работа по уходу за ребенком должна, во-первых, подчиняться определенным правилам и, во-вторых, быть оптимизирована и рационализирована. В изданиях 1920-х годов мы практически не найдем ни усложненных гигиенических предписаний, ни особо трудозатратных рецептов блюд для ребенка, которые могли бы отнять слишком много времени у женщины или потребовать помощи кухарки, домработницы, или других членов семьи.

Дискурс материнства как производительной деятельности поддерживался и законодательством того времени. Кодекс Законов о Труде 1924 года ставит продолжительность дородового и послеродового отпуска в зависимость от профессии женщины: восемь недель для женщин, занятых физическим трудом и шесть для тех, кто занят «конторской и умственной деятельностью». Иными словами, законодательство приравнивает роды и восстановление после них к труду женщин на производстве, устанавливая прямую корреляцию между двумя видами деятельности и измеряя и ту и другую в сопоставимых единицах. Более того, закон вычленяет ряд профессий, которые хотя и не относятся к «физическому труду», тем не менее квалифицируются как имеющие право на 8-недельный отпуск. К числу льготных относились следующие должности:

«Телефонистки на телефонных станциях, под каковыми, согласно преподанному Наркомтрудом разъяснению от 24 декабря 1924 года разумеются: 1) телефонистки городских, пригородных и междугородных телефонных станций, и 2) телефонистки в предприятиях и учреждениях, постоянно работающие на коммутаторах с количе-

ством добавочных номеров не ниже ста; телеграфистки, акушерки, сестры милосердия, массажистки, врачи; фельдшерицы и надзирательницы больниц для душевнобольных и отделений при больницах; врачи и фельдшерицы хирургических, инфекционных больниц и родовспомогательных отделений; женщины-врачи, фельдшерицы и сестры милосердия и лаборантки, работающие в рентгеновских кабинетах полный рабочий день; женщины – врачи, фельдшерицы и сестры милосердия, работающие по борьбе с эпидемиями чумы, холеры, оспы и сыпного тифа, ухаживающие за больными; зубные врачи советских амбулаторий; руководительницы и воспитательницы детских домов, садов и колоний, домов дефективного ребенка и реформаториев, учительницы сельских школ; воспитательницы интернатов 1 и 2 ступени; инструкторши физического воспитания; лица, ведущие культурно-просветительную работу в местах заключения, артистки драмы, оперы, цирка и балета, выступающие на сцене; все женщины, занятые ночной работой; инспектрисы и инструкторши, работающие не постоянно на одном месте (с передвижением); фармацевтки; сортировщицы почты и почтово-телеграфных пунктов; продавщицы в советских распределительных пунктах; машинистки, пишущие на машинках»¹³.

Поражает точность и скрупулезность, с какой государство стремится высчитать трудозатраты женщин в различных профессиях. Так, льготы даются не просто телефонисткам, но обслуживающим «количество добавочных номеров не ниже ста», не просто воспитательницам, но только тем, кто работает в детских домах, «домах дефективного ребенка и реформаториях» и т.д. Обращает на себя внимание и тот факт, что льготы не всегда напрямую связаны с трудностью выполняемой работы, но нередко с ее социальной значимостью, иначе как объяснить, что в список попадают не вообще учительницы, а только «учительницы сельских школ», не вообще «лица, ведущие культпросвет. работу», а только те, кто ведет ее «в местах заключения».

В своей работе «Практика повседневной жизни» французский философ и социолог Мишель де Серто рассуждает о том, каким образом закон пишет себя на телах своих субъектов. Этот процесс, по мнению де Серто, включает два компонента: первый, называемый «интекстуация», когда «живые существа упаковываются в текст, подобно тому, как продукты упаковываются в консервные банки, превращаясь тем самым в означающие закона». Второй компонент, который де Серто называет «инкарнацией» – это «процесс, при котором Разум или Логос «становятся плотью» – подобно тому как, согласно старинному речению, «кожа слуги есть пергамент, на котором пишет рука его господина»¹⁴. Кодекс Законов о Труде 1924 года действительно стремился оставить свои начертания на телах женщин, предписывая им скорость восстановления

после родов в зависимости от того, насколько социально и экономически востребована их профессия. В отличие от более позднего советского законодательства, в котором продолжительность послеродового отпуска устанавливалась в зависимости от сугубо медицинских факторов (так, например, женщины, имевшие кесарево сечение, получали более продолжительный отпуск), советское законодательство середины 1920-х устанавливает корреляцию между материнством и трудом на производстве, символически превращая матерей в работниц, осмысливая роды и материнство как общественно-полезный труд. Идеология материнства как производительного труда вписывалась в дискурс женской эмансипации, господствовавший во всех остальных сферах общественной жизни. И хотя мы не найдем в книгах по уходу за детьми 1920-х годов ничего, что отвечало бы риторике «освобождения женщин от тяжелого груза материнства», сама по себе репрезентация ухода за ребенком как общественно-полезной работы поднимала материнство на значительную высоту, символически вовлекая даже тех женщин, которые находились дома, в производительный общегосударственный труд.

Парадокс этой символической трансформации состоял в том, что женщины в это время по преимуществу и сидели дома, с детьми. Историки отмечают драматический рост женской безработицы в период НЭПа, которая перечеркивала усилия официальной идеологии эмансипации женщин. По мнению известного американского историка, автора фундаментального исследования по трудовому и семейному праву в России 1920-1930-х годов, Венди Голдман,

«Безработица была серьезной проблемой для женщин во все годы НЭПа. То, что женщины были не в состоянии обеспечить доходом себя и своих детей, превращала в пародию независимость, гарантированную им Семейным Кодексом 1918 и 1926 годов, серьезно подрывая перспективы женской эмансипации»¹⁵.

В 1929 году более полумиллиона женщин официально регистрируются как безработные на биржах труда, что, конечно, составляет лишь верхушку от всего айсберга женской безработицы. Иными словами, дискурс материнства как производительной деятельности процветает в то самое время, когда женщины были наименее вовлечены в государственную экономику, парадокс, требующий дальнейшего анализа.

Ситуация кардинальным образом меняется в 1930-1931-е годы с началом индустриализации, когда миллионы женщин идут на «стройки пятилетки», и число их опережает число мужчин. Согласно Венди Голдман, в 1931 и 1932 годах «количество женщин в промышленности выросло существенно. В течение первой пятилетки в промышленность пришло 2,3 миллиона работников, из них один миллион – женщины»¹⁶. Роль женщин как главного трудового резерва индустриализации вырастает еще и потому, что именно в эти годы начинают набирать силу политические репрессии, которые затрагивают по преимуще-

ству мужские кадры. В результате женщины не просто получают доступ к профессиям – они активно принимаются на прежде чисто мужские должности и производства, получают возможность для быстрого карьерного роста, заполняя все увеличивающиеся вакансии.

Логично предположить, что официальная идеология материнства должна была отреагировать на такие драматические изменения в жизни миллионов женщин. Однако книги по уходу за ребенком, выходящие в 1930-е годы, практически игнорируют тот факт, что их аудитория – это в массе своей работающие женщины. Учебник профессора педиатрии Николая Сперанского «Ребенок раннего возраста: книга для родителей» (Медгиз, 1941) рекомендует такой, например, способ стирки детского белья (называемый в издании «французским»):

«... белье замачивают в холодной воде, а затем в течение 3-4 часов кипятят в котле, или в баке, положив на каждое ведро воды 400 грамм мыла, 50 г соды и 2-3 столовых ложки керосина. После вываривания в этой жидкости белье несколько раз прополаскивают в холодной воде и просушивают. Сушить белье лучше всего на открытом воздухе. Высушенное и прокатанное белье гладят горячим утюгом с той и другой стороны, что является для белья хорошей дезинфекцией»¹⁷.

Поразительны в данной рекомендации даже не сама строгость гигиенических требований, а полная несоотнесенность метода с реалиями жизни, такими, например, как почти полное отсутствие в стране газовых или электрических плит, а также тот факт, что большая часть городского населения живет в коммунальных квартирах, где варка пеленок по 4 часа на общей кухне, как минимум, проблематична. Однако «французский метод» фиксирует тот общий сдвиг, который происходит в официальной идеологии материнства в 1930-е годы и который хорошо виден в учебниках по уходу за детьми этого времени. Рождение и уход за младенцем интенсивно медикализируются, захватываются медицинским дискурсом, выводятся из сферы производительной экономики в сферу биологии. На смену языка плаката приходит язык квазинаучный, полный специфической терминологии и сугубо медицинской метафоры. Так, книга Сперанского открывается главой «Организм ребенка», разделенной на подглавки «Кожа», «Дыхание», «Сердце», «Желудок», «Печень», «Кал», «Кишки», «Регуляция температуры тела», «Водный обмен». Иллюстративный ряд приближается к эстетике анатомического атласа, воспроизводя в разрезе различные органы и системы детского и женского организмов. Вместо диаграмм и схем, демонстрирующих связь между здоровьем ребенка и факторами окружающей среды, новые книги украшают изображения пищеварительной системы ребенка в разрезе, графически точные изображения молочной железы, большого и затылочного родничков, и тому подобные иллюстрации. Уже не детская смер-

тность (как это было в предшествующее десятилетие), а детская анатомия выступает в роли базовой самоочевидности того фундамента, на котором строится здание науки под названием «материнство»^{*}.

Кардинальным образом меняется и стиль учебников. В 1924 году тот же Сперанский в популярной, изданной десятки раз брошюре «Азбука матери» предпочитал неофициальный разговор «на ты», обращаясь к матерям: «Корми, пока ребенок не наестся: насосется и заснет, а заснул, тихонько отними от груди и положи в корзинку»¹⁸. В учебнике 1941 года господствует уже строгий научный стиль: «Женское молоко представляет собой белую с синеватым оттенком жидкость, сладкую на вкус со своеобразным запахом. Молоко состоит из воды и растворенных в ней белков, солей и сахара; жир находится в нем в виде мелких, не различимых глазом капелек, которые придают ему белый цвет»¹⁹. Индустриально-производительный дискурс остается в прошлом. В книгах 1930-х годов беременность репрезентируется уже не в терминах работы, а в терминах биологической нормы/аномалии. Бестселлер эпохи, книга Эсфирь Конюс «Мать и дитя: Спутник родителей» (М.-Л., 1939) объясняет, что «у здоровой женщины обычно в течение первых месяцев брачной жизни наступает беременность. ... Беременность не болезнь, а нормальное естественное состояние женского организма. Однако при сложности процессов, происходящих в организме во время беременности, многие нормальные явления могут легко переходить в болезненные»²⁰.

Вышеприведенная цитата демонстрирует центральное противоречие нового медицинского дискурса, в котором «норма» почти автоматически превращается в аномалию, а «природа» незаметно заменяется «медициной». Объявляя беременность и роды естественным, самой природой запрограммированным состоянием женщины, проводники медицинского подхода утверждают, тем не менее, необходимость для матери быть под постоянным контролем медицинской системы, беспрекословно выполнять советы специалистов, ориентироваться всегда и во всем на медицинское знание, и никогда – на советы родственников, других матерей или «бабок», т.е. носительниц традиционного знания. «Естественное» в своей основе материнство должно не просто контролироваться медицинской наукой – оно, если верить учебникам того времени, лучше всего и безопаснее протекает в условиях медицинской палаты с ее повышенными гигиеническими требованиями, в обстановке стерильности, беспрекословного выполнения режима дня и всех медицинских предписаний. Речь, конечно, не

* Детская смертность продолжает быть очень высокой на протяжении всего предвоенного десятилетия, хотя ее уровень несколько ниже, чем в 1920-е. В соответствии с официальной статистикой, в 1937 году на 1000 рождений приходилось 170 смертей детей возрасте до одного года, а в 1940 – даже 182 (Население СССР: справочник. М.: Политиздат, 1977, С. 9).

идет о помещении матери и ребенка в медицинское учреждение на весь тот срок, пока ребенок не вырастет. Учебники по уходу за детьми призывают превратить обычное жильё в медицинскую палату, убирая все ненужные, с точки зрения медицинских стандартов, вещи (коврики и цветы, мягкую мебель и гардины, безделушки и украшения на стенах) и отдавая предпочтение белому цвету. В книге Сперанского «Ребенок раннего возраста» читаем: «На новорожденного надо смотреть, как на хирургического больного, которому сделана операция. К такому больному не подходят без чистого халата, не прикасаются к нему грязными руками. Помещение, где он находится, кровать, на которой он лежит, – все должно быть безупречно чисто»²¹. По мнению специалистов, прежде чем взять ребенка на руки, мать должна надеть особый халат и косынку, тщательно вымыть руки с мылом, а в случаях, когда она простужена – повязать марлевую салфетку на рот и нос. Она должна производить влажную уборку всех поверхностей и поддерживать постоянную температуру воздуха в комнате, регулярно при этом ее проветривая. Нечего и говорить о том, чтобы накормить ребенка грудью «между делом», или как-то соединить уход за малышом с прочими делами по дому. Учебники в один голос настаивают на том, чтобы мать отдавала уход за новорожденным «всю себя», оставляя все прочие обязанности за пределами детской. Материнство настолько радикально натурализуется и медиализуется, что любые социальные факторы объявляются несущественными, не оказывающими заметного влияния на здоровье и состояние ребенка и его матери. Однако изгнанная из разговора социальность возвращается, причем в весьма тревожном и мрачном виде. В книге Сперанского читаем о ситуациях, когда по причине нервного расстройства у матери пропадает молоко. Мнение медицинского авторитета неколебимо: нервное состояние матери может оказать лишь временное и несущественное влияние на количество молока. «Многочисленные наблюдения показывают, что если грудь сосет крепкий, здоровый ребенок, и если мать не перестает регулярно прикладывать его к груди, то ни *тяжелые нервные припадки* у матери, ни *душевное угнетение* под влиянием семейных несчастий, ни *испуг* не влияют серьезно на выделение молока (курсив мой – Н.Ч.)»²². Российскому читателю нет нужды объяснять ту историческую подоплеку, которая обнажилась здесь в виде мотивов «душевного угнетения», «семейного несчастья» и «испуга». В книге написанной в эпоху «большого террора» проявилась общая травмированность массового сознания, то подсознательное ожидание несчастья и всевозможных потерь, которое было разлито в воздухе конца 1930-х годов. Однако бессознательные «проговорки» автора тут же дезавуируются самим медицинским дискурсом, который объявляет их несущественными и как бы несуществующими.

Другой способ, каким социальность дает знать о себе – это через звучащую все более и более настойчиво интонацию обвинения матерей за все те проблемы в части здоровья, воспитания, привычек, нрава, которые возникают

у ребенка. Подобно тому, как на производстве, в науке, во всех остальных сферах жизни социума набирает обороты поиск вредителей и саботажников, медицинский дискурс находит вредительниц и саботажниц среди матерей. Проблема недостатка грудного молока обретает в этом свете несколько иной поворот:

«Кто виноват в том, что ребенка лишили материнского молока?

Виновата прежде всего сама мать, которая могла отлично кормить ребенка и у которой молоко не убывало бы, если бы она понимала, как важно кормить ребенка грудью, и если бы она не относилась к этому легкомысленно. Виноваты домашние, которым легче дать ребенку бутылочку с коровьим молоком, чем слушать, как ребенок кричит от голода. Виноваты сестры и врачи яслей, которые тоже слишком легкомысленно смотрят на то, что мать пропускает кормления. Если бы они были требовательны к матерям, больше вели с ними беседы на эту тему, то эти случаи не были бы так часты и меньше бы было жертв от летних поносов и других детских заболеваний. Виновата иногда и администрация предприятия, которая предпочитает отпускать кормящую мать с работы на полчаса и даже на 1 час раньше, но не предоставляет ей перерыв на кормление. Врач яслей или консультации, которому мать показывает своего ребенка, обязан связаться с предприятием и устранить это нарушение закона или передать этот вопрос в социально-правовой кабинет при консультации, который добьется восстановления прав кормящей матери. Чтобы уход матери не нарушал работы предприятия, можно объединить всех кормящих матерей в одну бригаду и организовать особый материнский конвейер»²³.

При кажущейся многочисленности перечисленных в книге агентов «злого умысла» – врачи, медсестры, администрация предприятий, родственники – максимум вины, безусловно, ложится на мать. Это ее невежественность, небрежение и безответственность приводят к недостатку грудного молока и последующим заболеваниям у младенца. В отличие от учебников 1920-х годов, в которых господствовал дискурс социального детерминизма, согласно которому здоровье и благополучие младенца объявлялись зависящими от целого спектра социальных факторов, книги и учебники 1930-х подчеркивают индивидуальную вину и индивидуальную ответственность матерей. Главным средством решения медицинской проблемы (такой, например, как недостаточная секреция молочных желез) объявляется повышением уровня сознательности матери, равно как и всех остальных участников «медицинского конвейера». Нельзя не вспомнить, что переход от невежественности, «стихийности» в состояние «сознательности» представлял собой одну из центральных нарративных моделей социалистической культуры, блестяще проанализированную Катариной Кларк в ее исследовании о романе социалистического реализма²⁴. Однако, наи-

большой интерес представляет даже не то, как в популярной медицинской литературе по уходу за детьми воспроизвелись культурные модели, свойственные эпохе в целом, а тот причудливый симбиоз природно-естественного и социального, который оказался характерен для дискурса материнства в 1930-е годы. Роды, беременность, уход за маленькими детьми, как мы показали, объявляются сферой, где безраздельно властвует медицина и где последнее слово принадлежит специалисту – врачу, но сама эта власть идет далеко за пределы традиционной медицинской компетенции. Давая советы по уходу за детьми, учебники 1930-х годов все более перемещаются с собственно медицинских сюжетов (кормление грудью и прикорм, пеленание и борьба с опрелостями, прививки и рост зубов) к воспитанию у ребенка трудовых навыков, к формированию здоровых отношений в семье, к организации рабочего дня матери, то есть смещаются в сферы морали, воспитания, и даже организации производства. Один из ярких примеров – инструкция по созданию «прогулочных групп», т.е. групп родителей с детьми, в которых матери по очереди брали бы на себя обязанность гулять с детьми во дворе. Популярное издание «Гигиена и воспитание детей раннего возраста» под редакцией профессора Альтгаузена (М.-Л., 1936) посвящает делу создания прогулочных групп большую главу, давая подробнейшие наставления в части организации инициативной группы матерей, устройства площадки, налаживания отношений с домоуправлением, а также, говоря современным языком, поиском источников финансирования. Из частной инициативы дело создания прогулочных групп превращается в строго организованное мероприятие под руководством медицинского персонала близлежащей поликлиники или детской консультации. Позволю себе привести пространный цитату:

«Как образуются эти прогулочные группы? Участковый врач консультации и его помощница – медицинская сестра, зная, в каком доме или жакте имеется группа детей раннего возраста, в беседах на приеме в консультации с матерями рассказывает им о необходимости дать детям побольше свежего воздуха, не обременяя чересчур сильно матерей.

Более активные матери, сознательно относящиеся к организации правильной жизни ребенка, быстро откликаются на советы врача и сестры. Образуется группа матерей, которые хотят организовать эту прогулочную группу. После нескольких разъяснительных бесед начинают собирать детей. За этот подготовительный период необходимо выяснить очень много существенных обстоятельств:

- 1) учесть детей, состояние их здоровья, возраст и развитие;
- 2) учесть время, которое каждая мать сможет и должна будет по-

тратить на дежурство в группе;

- 3) найти во дворе или саду данного или соседнего дома такое место, где можно собрать группу детей для прогулки; место это должно быть тихим, чистым, подальше от помойки: родители должны общими силами привести этот участок в порядок, убрать мусор, вычистить, подмести.

С самого начала организации прогулочных групп врач и сестра совместно с родителями должны привлечь к организации этой работы домоуправление и партийную организацию жакта. Без их помощи будет трудно чего-нибудь добиться. ... Если матерям что-нибудь не хватает из оборудования, они принимают меры, чтобы достать откуда-нибудь необходимые вещи. Часть вещей приобретается по указанию врача, сестры и педагога консультации за счет самих матерей, часть дает управление дома, в некоторых случаях средства дает консультация»²⁵.

Трудно сказать, насколько реальные прогулочные группы, которые, вероятно, действительно организовывались в некоторых домах, были похожи на те идеальные образцы, которые нарисовал учебник. Важно другое: в модели материнства, отстаиваемой официальной медициной в 1930-е годы, последней принадлежит роль единственного, по сути, полноценного субъекта в воспитании детей, который наделен знанием, волей, ресурсами и правом ими распоряжаться. Именно врач, или медсестра (а не матери) иницируют прогулочные группы, передают информацию о них «сознательным» матерям, решают, что именно матери должны приобрести из своих средств и даже частично спонсируют начинание. В продолжение инструкции о прогулочных группах медицинское учреждение «дает деньги на недостающие материалы, например, гвозди и стекло» (для постройки веранды), в то время как «отцы отдают бесплатно свой труд для постройки»²⁶. Характерно упоминание о «бесплатно трудящихся» отцах – единственный пример использования категории «труд» применительно к уходу за ребенком. Авторы книги редко описывают то, что делает мать (кормит, ухаживает, гуляет, воспитывает) в категориях труда или работы, сохраняя классическую гендерную асимметрию в трактовке этих понятий, хотя сама идея «прогулочных групп», которые в тенденции могут перерасти в постоянные детские площадки и домовые ясли, рождена, среди прочего, в ответ на стремление обеспечить «раскрепощение женщины»²⁷.

Власть медицинских институций настолько точно воспроизводит структуры политической власти, что между ними почти стирается различие: партийки, судя по книге, могут и должны заниматься вопросом организации прогулок с детьми, в то время как медицинские учреждения распределяют финансовые и строительные ресурсы. Подводя предварительный итог, можно сказать,

что номинально выведенное из сферы производительной деятельности и помещенное в сферу природно-натурального, материнство интенсивно медикализируется, но лишь затем, чтобы силой вновь утвержденного авторитета медицинского знания стать идеологически и политически нагруженным, более подвластным государственному вмешательству и регулированию.

Медикализация материнства – процесс, который происходил почти во всех развитых индустриальных странах Европы и Америки в 1920-1930-е годы. Вызванный отчасти активным развитием медицинской науки в начале 20 столетия и прежде всего тех ее отраслей, которые были связаны с женской репродуктивной сферой, а также с усилением во многих странах пронаталистской идеологии, этот процесс имел, конечно, свои национальные особенности в каждой из стран. Исследования, проведенные в отношении официальной идеологии материнства в США и Канаде, показывают, что дискурс «научного материнства», активно развивавшийся в обеих странах в первой трети 20 века, сопровождался усилением патриархального разделения труда в обществе, при котором женщине отводилась роль исключительно матери и хранительницы семейного очага, «вплоть до исключения всех остальных видов занятий»²⁸. Медикализация материнства работала на усиление того типа идеологии, при котором материнство признавалось высшим призванием каждой женщины и ее национальным долгом, превращая прежде частное дело воспитания детей в почти профессиональное занятие, требующее значительного количества специальных знаний и времени.

Уникальность советского варианта состояла в том, что материнство в Советской России никогда не формулировалось как единственное и исключительное призвание женщины. Несмотря на то, что материнство провозглашалось высшей точкой в социальном и эмоциональном развитии женщины, оно никогда не постулировалось как ее единственная роль. Даже пропагандируя «радость и славу» материнства, сталинская пропаганда никогда не утверждала, что место женщины – у домашнего очага, продолжая призывать женщин, как и в первое десятилетие советской власти, вступать в ряды работниц, формулируя призыв в духе идеологии женской эмансипации образца 1920-х. Иными словами, идеология материнства в 1930-е годы представляла собой такой же «гротесковый гибрид», соединяющий несоединимые элементы (такие, например, как объявление материнства сутью и назначением женщины и риторика «освобождения женщины») каким, по мнению В. Голдман, была вся сталинская семейная политика.

Одно из возможных объяснений парадокса лежит в сфере экономического развития страны в начале 1930-х годов. Возвращаясь к исследованию Голдман, отмечаем, что с началом индустриализации женщины выполняли роль не просто резервной рабочей силы, но были практически единственно доступным источником пополнения рабочих рук в индустрии. «Женщины, – пишет Голд-

ман, – играли беспрецедентную роль во время второй пятилетки. В 1932 и 1933 годах они были единственным источником людских ресурсов на производстве: 100 процентов всех вновь принятых работников в 1933 году были женщины»²⁹. Нуждаясь, как никогда, в женщинах на производстве, государство одновременно не могло себе позволить ослабить роль женщины и в сфере воспроизводства. Страхи по поводу уменьшения численности населения, которые охватили многие европейские государства, особенно после первой мировой войны, унесшей миллионы жизней, были не менее сильны и в России, несмотря на высокий в целом уровень рождаемости. Как отмечает историк Хоффман, «Потери русских в первой мировой войне были еще ужаснее, чем во многих западноевропейских державах, а, будучи суммированы с потерями в гражданской войне и последовавшим затем голодом, приближались к 16 миллионам человек»³⁰. В 1934 году советское правительство инициировало обширное демографическое обследование, которое выявило стойкое падение рождаемости в стране. Более того, исследование выявило строгую корреляцию между падением рождаемости и урбанизацией, а также вступлением женщин в ряды рабочих – тенденции, которые должны были лишь усиливаться с развитием индустриализации³¹.

Как это часто происходило в советской истории, государство попыталось решить проблему методами, которые были по своей природе сугубо политическими и идеологическими. Для того чтобы как-то справиться с пугающими демографическими изменениями, советское правительство запускает пропагандистскую кампанию по усилению авторитета семьи и роли материнства. Многочисленные статьи, появляющиеся в прессе, рассказывают о радостях материнства и о том чувстве полноты жизни, которое оно дает женщине. В дополнение к законодательным мерам, объективно работавшим на укрепление семьи (главным среди которых было Постановление ЦИК и СНК «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи многодетным матерям и о расширении системы родильных домов, яслей и детских садов 1936 года, именованное в просторечии «законом о счастливом материнстве»), официальная культура все более активно выводит на первый план образы матерей и всепобеждающей материнской любви³². Как отмечает американский историк Роберт Тарстон, в кампании по укреплению советской семьи был лично заинтересован сам Сталин, позволявший использовать свое имя, свой образ и образы своих родственников в пропаганде семейных ценностей. «Изображаемый в романах как отцовская фигура, Сталин часто появлялся в Кремле со своим собственным ребенком; он также демонстрировал свою глубокую привязанность к детям на многих фотографиях того времени»³³.

Дискурс материнства как производительной деятельности, доминировавший в общественном сознании в 1920-е годы, ставивший материнство на одну доску с работой и карьерой, в целом плохо сочетался с этой новой идеологией «счастливой семьи». Доведенный до логического предела, он требовал мате-

риального вознаграждения для матерей, сопоставимого с тем, какое женщины получали на производстве. Объявляя же рождение детей делом максимально естественным, данным женщине самой природой, власть получала возможность эксплуатировать женскую репродуктивную сферу, не предлагая компенсации и не уменьшая нагрузку женщины на производстве. Постоянный приток женщин на производство поддерживался экономическими рычагами: как показывают исследования динамики заработной платы в промышленности в этот период, оклады рабочих в большинстве отраслей уменьшились почти на 50% за период с 1928 по 1932 годы³⁴. Теперь, чтобы поддержать тот же уровень потребления, семье уже требовалось два работающих вместо одного. Натурализуя институт материнства и объявляя его лежащим в компетенции биологии и медицины, государство получало в свое распоряжение рычаги уже не экономического, а идеологического контроля и в сфере воспроизводства.

Именно тогда, в 1930-х и складывается специфически советская конфигурация гендерного неравенства, при которой женщина ведет домашнее хозяйство и отвечает за детей, будучи при этом занята полный рабочий день на производстве. Это уникальное для индустриальных стран распределение обязанностей, которое в западной феминистской литературе было обозначено специальным термином «двойная ноша» (*the double burden*) и которое характеризует разделение труда между полами на всем протяжении советской и постсоветской истории, не было, как это часто думают, следствием идеологии женской эмансипации, возникшей сразу после революции 1917 года. «Двойная ноша» – это продукт более позднего времени, а именно, начала сталинской индустриализации, и, как это ни парадоксально, идеологии «естественного» материнства и счастливых многодетных семей. Начиная с 1930-х и вплоть до конца советского режима «настоящей» матерью считалась та, которая умела соединять «дар материнства», данный ей «самой природой» с работой вне дома, на которой она была бы занята полный рабочий день. Как и любое другое производство, производство матерей в Советской России, явно или неявно оказывалось подчинено принципам максимальной капитализации ресурсов и извлечения прибыли, чему не в малой степени способствовали учебники по уходу за ребенком и другая популярная литература, посвященная материнским обязанностям.

¹ Rich, Adrienne. *Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution* (New York: Vintage Books, 1976).

² Weiss, Nancy Pottishman. «Mother, The Invention of Necessity: Dr. Benjamin Spock's *Baby and Child Care*», *American Quarterly*, 4, Fall, 1977. К числу исследований, рассматривающих популярную литературу по уходу за младенцем как инструмент го-

сударственного идеологического диктата, можно отнести также: Ehrenreich, Barbara and English, Deirde. *For Her Own Good: 150 Years of the Expert's Advice to Women* (New York: Anchor Books, 1979); Grant, Julia. *Raising Baby by the Book: The Education of American Mothers* (New Haven and London: Yale University Press, 1998); Hays, Sharon. *The Cultural Contradictions of Motherhood* (New Haven and London: Yale University Press, 1996).

- ³ Коллонгай, Александра. *Семья и коммунистическое государство* (М.: Госиз-во, 1920).
- ⁴ Stites, Richard. *The Women's Liberation movement in Russia: Feminism, Nihilism, Bolshevism* (Princeton, 1978).
- ⁵ Goldman, Wendy Z. *Women, the State and the Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917-1936* (New York: Cambridge University Press, 1993).
- ⁶ Hoffman, David. «Mothers in Motherland: Stalinist Pronatalism in its Pan-European Context», *Journal of Social History*, Fall, 2000.
- ⁷ Waters, Elizabeth. «The Modernization of Russian Motherhood, 1917-1937», *Soviet Studies*, Vol. 44, Issue 1.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ Миронов. Б.Н. *Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства*, т. 1 (С.-Пб., 2000).
- ¹⁰ Гецов, Г.Б. *О чем говорил ветер: Охрана матери и младенца* (Киев: Издательство Сорабкоп, 1923), с. 3.
- ¹¹ Там же, с. 7.
- ¹² *Книга матери (как вырастить здорового и крепкого ребенка и сохранить здоровье)* (М.: Издание Отдела Охраны Материнства и Младенчества Наркомздрава, 1926), с. 11.
- ¹³ Там же, с. 107.
- ¹⁴ Certeau, Michele de. *The Practice of Everyday Life*, transl. by Steven Rendall (Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1988), p. 140.
- ¹⁵ Goldman, Wendy Z. *Women at the Gates: Gender and Industry in Stalin's Russia* (Cambridge: Cambridge University Press, 2002), p. 17.
- ¹⁶ Ibid., p. 93.

- ¹⁷ Сперанский, Г.Н. *Ребенок раннего возраста: книга для родителей* (М.-Л.: Медгиз, 1941), с. 71.
- ¹⁸ Сперанский Г.Н. *Азбука матери* (М., Наркомздрав СССР, 1924).
- ¹⁹ Сперанский Г.Н. *Ребенок раннего возраста*, с. 26.
- ²⁰ Конюс Э.М. *Мать и дитя: спутник родителей* (М.-Л., Наркомздрав СССР, 1939), с. 6, 24.
- ²¹ Сперанский Н.Г. *Ребенок раннего возраста*, с. 60.
- ²² Там же, с. 28.
- ²³ Там же, с. 32.
- ²⁴ Кларк, Катарина. *Советский роман: история как ритуал* (Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002).
- ²⁵ *Гигиена и воспитание детей раннего возраста. Краткое руководство для родителей*, под ред. Н.Ф. Альтгаузена. Изд. второе, исправленное и дополненное (М.-Л.: Государственное Издательство биологической и медицинской литературы, 1936), с. 43-44.
- ²⁶ Там же, с. 46.
- ²⁷ Там же, с. 48.
- ²⁸ Arnup, Katherine. *Education for motherhood: advice for mothers in twentieth-century Canada* (Toronto; Buffalo: University of Toronto Press, 1994), p. 194.
- ²⁹ Goldman, p. 266.
- ³⁰ Hoffman, p. 145.
- ³¹ Ibid, p. 146.
- ³² Гюнтер Х. «Архетипы советской культуры», *Соцреалистический канон*, под ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко (СПб: Гуманитарное агенство «Академический проект», 2000).
- ³³ Thurston, Robert W. «The Soviet Family During the Great Terror», *Soviet Studies*, Volume 43, Issue 3, 1991.
- ³⁴ Goldman, Wendy. *Women at the Gates*.